

В журнале «Вопросы образования» № 3 2007 г. была опубликована статья Т.Л. Клячко, В.А. Мау «Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации». Она вызвала интерес у читателей. И сегодня в продолжение дискуссии на эту тему мы публикуем два мнения — доктора исторических наук, профессора Кемеровской государственной медицинской академии Л.Н. Лопатина и Л.Л. Любимова — доктора экономических наук, заместителя научного руководителя ГУ–ВШЭ.

Л.Н. Лопатин

Статья поступила
в редакцию
в апреле 2008 г.

КАЧЕСТВО СОВЕТСКОЙ ВУЗОВСКОЙ СИСТЕМЫ — МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Меня заинтересовала статья Т.Л. Клячко и В.А. Мау, опубликованная в журнале «Вопросы образования» №3 2007 г. В ней авторы всесторонне и глубоко изучают вопросы трансформации российской системы высшего образования в 90-е годы XX в. и процессы, идущие в вузах в настоящее время.

Статья была бы еще более убедительной, если бы авторы не исходили из недостоверного, на мой взгляд, концепта, преподносимого в аксиоматической форме. Они пишут: «Высокий уровень образования, как общего, так и профессионального, является важнейшим преимуществом советской системы»¹. Действительно ли качество советской вузовской системы было столь высоким? Анализ документов ЦК КПСС 20–80-х годов XX в. ставит под сомнение данное утверждение, используемое в России столь часто, что оно стало трафаретным.

Качество национальной образовательной системы определяется, как известно, ее доступностью для всех социальных слоев, а также уровнем интеллектуальной и профессиональной подготовки специалистов.

Доступность же высшего образования в СССР — миф. Оно было малодоступным в связи со следующими препятствиями, как

¹ Клячко Т.Л., Мау В.А. Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 46.

созданными советской властью, так и существовавшими объективно.

- С ликвидацией церковей и барских усадеб была уничтожена сеть начального образования для сельского населения (не менее 80%) России. Ее восстановление оказалось столь трудным делом, что до конца 1950-х годов человек с 7 классами школы считался образованным и мог работать сельским учителем. Сеть начального образования в царской России была столь солидной, что Государственная дума планировала в 1914 г. принять закон о всеобщем обязательном начальном образовании — помешала начавшаяся война с Германией. Разрушенную сеть церковно-приходских школ и школ при помещичьих имениях советская власть пыталась компенсировать курсами ликбезов. Однако научение чтению и письму — это еще не образование. Даже не начальное образование. Если уж начальное образование в 1920–1930-е годы стало недоступным, то высшее — тем более.

- В 1928 г. ЦК ВКП(б) принял специальные постановления¹ по подготовке специалистов «плоть от плоти рабочего класса и крестьянства», фактически закрывающие в 1920–1930-е годы доступ к высшему образованию для детей интеллигенции. А ведь это были самые подготовленные для восприятия вузовского курса юноши и девушки.

- С 1938 по 1956 г. существовала плата за обучение в 8–10-м классах средней школы, техникумах и вузах. Хотя плата была незначительной, она являлась преградой на пути к образованию для детей рабочих и особенно колхозников. Тогда семьи были многодетными, маленькой зарплаты родителей на всех детей не хватало. А выделять кого-то одного из детей в российских семьях было не принято. Поэтому до начала 1960-х годов даже среднее образование для большинства семей было малодоступным. Потому и пришлось вводить средний всеобуч в 1963 г. Эта грандиозная задача получения всеми детьми среднего образования, не будучи подкреплена достаточными материальными и финансовыми ресурсами, решалась через снижение требовательности учителей к знаниям школьников.

- В 1950–1980-е годы существовало официальное правило преимущественного зачисления абитуриентов с двухлетним трудовым стажем². У человека, не поступившего в вуз сразу после средней школы, резко падала перспектива получения дальнейшего образования из-за возрастного снижения интереса к учебе и вмешательства жизненных обстоятельств (служба в армии, замужество и др.).

- Число средних специальных и высших учебных заведений было ограниченным. И сосредоточивались они преимущественно в крупных городах. А основное население СССР жило в мелких

¹ Постановление Объединенного пленума ЦК ВКП(б) «Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства (6–11 апреля 1928 г.); Постановление Пленума ЦК ВКП(б) «Об улучшении подготовки специалистов» (4–12 июля 1928 г.). // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 4. С. 84–94; 111–118.

² КПСС в резолюциях... М., 1971. Т. 7. С. 345.

городах, поселках и деревнях. Например, в 1980-е годы в трехмиллионном Кузбассе, в котором было 20 городов, из 8 вузов 6 находились в областном центре, 2 — в Новокузнецке. Потребность в приближении вузов к месту жительства студентов была столь велика, что к концу 1990-х годов в одном только шахтерском Междуреченске было открыто 9 филиалов вузов Кемерово, Томска, Новосибирска.

- До конца 1950-х годов существовало традиционное представление о подростке 14–15-летнем ребенке как полноценном помощнике в обеспечении материального достатка семьи. Материальное положение почти всех советских семей не позволяло содержать старшеклассника, а затем студента 7–8 лет дополнительно. Поэтому по окончании 7 классов (с 1960-х годов — 8 классов) родители предпочитали отдавать детей в технические училища, получая через 2–3 года работника с полноценной зарплатой.

Характеризуя уровень доступности высшего образования для советской молодежи, нельзя также забывать о ее низкой мотивации к получению образования как результате почти целенаправленной политики коммунистической партии.

- В частности, широкая пропаганда марксистской идеи о рабочем классе как гегемоне не способствовала стремлению молодежи в вузы. Рабочий ощущал свое моральное превосходство над интеллигенцией. Советская власть целенаправленно формировала представление об интеллигенции как ущербной «прослойке» (а при Сталине — как о «враге народа»). Вспомним уничижительный фольклор о «паршивой», «вшивой» интеллигенции, «а еще в очках», «в шляпе». В таких условиях не каждый молодой человек был способен оценить социальные перспективы интеллигенции.

- Для специалиста с высшим образованием советская власть создавала менее благоприятные социальные перспективы, чем для человека «от станка». Это выражалось в более низких нормах снабжения по карточкам (1929–1934 гг., 1941–1947 гг.), обеспечения путевками на курорт; получения квартир, покупки автомобилей, ковров, холодильников. Даже при вступлении в ряды КПСС преимущество имели рабочие (на каждые 8–9 рабочих принимали только одного ИТР).

- Зарплата рабочего была выше зарплаты инженера (особенно выпускника), не говоря уж о зарплате врача или учителя, конструктора или научного сотрудника. Во время шахтерского движения 1989 г. в Кузбассе «вдруг» выяснилось, что во главе забастовочных комитетов оказались горнорабочие «почему-то» с высшим образованием. «Тогда была абсурдная система, — говорил в 1997 г. член Новокузнецкого рабочего комитета А.Ю. Колесников, — окончил институт — иди мастером, начальником цеха на зарплату 110 рублей. Поэтому в шахту шли на рабочие места. Я работал в смене, где из 11 рабочих семеро имели высшее образование, трое — среднетехническое, один — я — недоучившийся инженер»¹.

¹ Лопатин Л.Н. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. М., 1998. С. 243.

Все эти обстоятельства мешали молодежи видеть в высшем образовании фундамент для жизненной самореализации. Исследование одного из российских родов показало, что среди людей 1900–1980 гг. рождения только 14 из почти 200 человек в возрасте после 21 года имели высшее образование¹.

Препятствия как объективного характера, так и созданные советской властью привели к тому, что значительная часть талантливой и амбициозной молодежи отказывалась от мысли о высшем образовании. Это стало одной из причин заполнения вузовских аудиторий в СССР примерно на четверть слабо подготовленными студентами.

Таким образом, считать советские вузы доступными для молодежи некорректно. Удельный вес людей с высшим образованием в СССР был ниже всех цивилизованных стран (в Кузбассе, например, всего 7%). В 1990-х годах рынок жестко продиктовал необходимость резкого повышения доступности вузовского образования. Если в СССР на 10 тыс. населения было всего 170 студентов, то в 2007 г. их стало 470². Такое увеличение числа студентов не могло проходить без понижения и без того невысокого качества обучения в советских вузах.

Качество дореволюционной (до 1917 г.) российской образовательной системы было высоким. Тогда и в голову никому не приходило сомневаться в достоинстве дипломов, скажем, Петербургской горной академии. Нынешнее же непризнание дипломов наших вузов в странах Запада — явление заурядное, мифологически списываемое обывателем на «происки» недоброжелателей России.

Качество национального высшего образования резко снизилось в 1920–1930-е годы в связи с политикой советской власти.

- Большевистские идеологи, зачислив интеллигенцию в недружественную пролетариату «прослойку», вытеснили ее за границу, навсегда лишив университетские кафедры цвета национальной науки.

- Закрыв в начале 1920-х годов доступ в вузы детям «не рабоче-крестьянского происхождения», власть заполняла студенческие аудитории неподготовленной молодежью, прошедшей на рабфаках, подготовительных курсах за 2–3 года курс средней школы.

- Но главный удар пришелся по фундаментальности подготовки в вузах. В связи с начавшейся в 1920-е годы индустриализацией стране потребовалось наладить ускоренный выпуск специалистов. Университеты с их дореволюционной ориентацией на формирование образованных людей, а уж потом специалистов, были расформированы. На базе их факультетов созданы институты, подчиненные отраслевым наркоматам. Резко сократился курс обучения (в вузах порой до трех лет, в техникумах — до двух). С целью упроще-

¹ Лопатин Л.Н. Типичная история типичного российского рода (середина XIX — начало XXI в.). Кемерово, 2003.

² Кузменко Я.И. Наши университеты // Высшее образование сегодня. 2007. № 10. С. 9–13.

ния обучения неподготовленной молодежи с 1930 г. лекции были отменены и введен бригадно-лабораторный метод, упразднивший персональную ответственность студентов за подготовку к занятиям. Защита дипломов отменена как «буржуазный пережиток». Кафедры как основные структурные подразделения, объединявшие науку и обучение, ликвидированы. Деканаты — тоже. В 1931 г. выведены из университетов все гуманитарные и экономические дисциплины, замененные «единым политчасом», а затем кружками по диалектическому материализму, истории ВКП(б), ленинизму.

Это была борьба за количество специалистов, но не за их качество. Без кафедр теоретический уровень преподавания резко упал. Вузовская наука была утрачена. Без гуманитарных дисциплин специалисты выходили из вуза с мышлением обыденного уровня. Но именно такие и нужны были советской власти. Ей не нужен был образованный размышляющий человек. Ей нужен был исполнитель воли вождя, специалист, не сомневающийся в политике партии и правительства. Так закладывался фундамент отечественной системы формирования псевдоинтеллигенции.

Чтобы показать студентам разрушительный характер мероприятий советской власти в области образования, на одном из декабрьских 2005 г. семинаров педиатрического факультета мне пришлось смоделировать ситуацию. Сказав, что перечисляю основные направления предстоящей образовательной реформы, якобы услышанные сегодня утром по радио, я изложил советские мероприятия 1920–1930-х годов в этой области. И предложил студентам прокомментировать их.

Поскольку тема реформы образования была для студентов исключительно актуальной, они заинтересованно вслушивались в каждый пункт. Вот эти пункты «модернизации» 1917–1930 гг., выданные мною в современных формулировках.

- «Резко сократить число начальных школ, компенсировав их всеобщей сетью курсов по обучению чтению, счету и письму». (Так сформулировал практику уничтожения церковей и барских усадеб со школами при них, земских школ. В какой-то степени эту утрату компенсировали ликбезами.)

- «В средних школах отменить преподавание иностранных языков». (Так подал практику псевдоизучения иностранных языков в советских десятилетках в отличие от царских гимназий, в которых свободное владение двумя иностранными языками было обязательным.)

- «Сократить сроки обучения в вузах в 2–3 раза». (Это была реальная практика 1930-х годов. Например, Петербургская горная академия в дореволюционной России обучала студентов 9 лет, в советских горных вузах, было время, студенты учились 2–3 года. Был лозунг «Горному мастеру — диплом инженера за два года».)

- «Принимать в вузы молодежь, ориентируясь не на знания, а на их социальное происхождение». (Советская власть закрыла доступ в вузы детям «буржуазии», в этот разряд были отнесены и дети врачей, учителей, инженеров — «паршивой интеллигенции».)

- «Гуманитарные дисциплины вести только в интерпретации с позиций партии власти». (Для современности звучит, конечно, диковато. Но такова была реальная 70-летняя практика преподавания общественных дисциплин «в духе партии», «в духе коммунизма».)

- «Ввести обязательную оплату для всех без исключения обучающихся в старших классах средней школы, вузах и техникумах». (Такое платное обучение существовало с конца 1930-х годов до лета 1956 г.)

Реакция студентов была резкой. Некоторые их умозаключения я успел записать:

- Министры сами-то школу заканчивали?
- Они же шариковых формируют!
- Повторяют гитлеровский план «Ост», по которому славянину разрешено было учиться лишь простым арифметическим действиям.
- Для общества задумали программу «Титаник».
- Этим уничтожается средний класс.
- Незнание языков — это изоляция от мира, от информации.
- Гуманитарные дисциплины потеряют научность, в них останется одна пропаганда за власть.
- Это программа формирования рабов.
- Народ будет забытый, безграмотный, непросвещенный, поддающийся пропаганде.
- Тяги к знаниям не будет.
- Человек с дипломом не будет отличаться от человека без диплома. Это не образование.
- Это повышает безграмотность в стране.
- У олигархов будет возможность учить своих детей, у народа — нет.
- Чего мы тут сидим на семинаре? Даешь студенческую забастовку!

Устами... глаголет истина. За первые два десятилетия советской власти удар по высшему образованию был столь силен, что СНК СССР и ЦК ВКП(б) 23 июня 1936 г. в постановлении «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» вынуждены были признать: «В результате... уровень обучения в ряде высших учебных заведений немногим отличается от уровня средней школы (техникумов)»¹. Отменялось многое из вышеперечисленного (восстанавливались деканаты, кафедры, возвращалась персональная ответственность за обучение и др.).

Но в чем-то было уже поздно. За годы революционного экспериментирования (почти 20 лет) были уничтожены научные школы. Их приходилось создавать заново. А это дело даже не лет — десятилетий. Уровень, достигнутый российской университетской наукой, был утрачен. Отраслевая система организации высшей школы

¹ КПСС в резолюциях... М., 1971. Т. 5. С. 270.

способствовала насыщению экономики страны специалистами. Но какими специалистами? Вузовский диплом они получили. Но знаний, которые соответствовали знаниям выпускника вузов царской России, они, конечно же, не имели.

Можно ли предположить, что советская высшая школа вскоре после 1936 г. качественно изменилась? Конечно, нет. Следующие два года были годами массовых репрессий. Что могло быть поводом для избиения вузовских кадров? Прежде всего, конечно, их «буржуазное» происхождение. За 20 послереволюционных лет рабочий или крестьянин, естественно, не мог вырасти до уровня преподавателя вуза. Поэтому любая кафедра любого вуза была сосредоточением «выходцев из эксплуататорских классов».

Другой их «виной» могла быть «связь с врагами народа»: бухаринцами, троцкистами, уклонистами, «шпионами», «диверсантами», каковыми к тому времени оказалась многие партийные, советские, хозяйственные и военные руководители. Вероятность, что вузовские преподаватели, по тому времени — элита интеллигенции, лично общались с бывшим «начальством» (а теперь репрессированными), весьма велика.

Поводом для репрессий вузовских преподавателей были и их неосторожные высказывания на занятиях. И не обязательно прямо по политическим вопросам. Новосибирский исследователь Алексей Тепляков опубликовал в 2008 г. историю ареста «антисоветчика» — преподавателя инженерно-строительного института Кирилла Новицкого, на которого донесли студенты К. Скрипкин, А. Соколовский, Г. Гришанова, А. Ковин и В. Михайлов. В беседе за чаем у себя дома Новицкий поведал студентам о том, что до революции выходцы из рабочей и крестьянской среды могли учиться в вузах, что на 10 рублей можно было жить целый месяц, поскольку обед стоил 11 копеек. А студент на одних чертежах мог заработать до 30 рублей в месяц. Что сам Новицкий, выходец из крестьянской среды, мог заработать до 120 рублей в месяц¹.

«Контрреволюцию» («Контрреволюционная пропаганда», ст. 58.10) можно было приписать, скажем, преподавателю горного дела за его лекции о научных достижениях в горной промышленности Германии, считавшихся тогда лучшими в мире («идолопоклонство перед Западом»).

Если преподаватель когда-то бывал за границей (а они почти все там бывали в царское время), это — «прямая связь с Западом».

Преподаватель вуза мог стать (и становился) объектом «внимания» чекистов и по национальному признаку. Поляков, немцев, корейцев, латышей, «харбинцев», иранцев, греков, финнов и др.² репрессировали, как документально доказывает член Политбюро

¹ Тепляков А. Дело Трудовой крестьянской партии 1937 года // Голоса Сибири. Вып. 6. Кемерово, 2007. С. 836.

² Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

ЦК КПСС А.Н. Яковлев, только на основании специфического звучания фамилии¹. Как потом, в 1940–1950-е годы, — евреев («борьба с космополитизмом»).

Именно из них и были сформированы НИИ за колючей проволокой («шарашки»), в которых конструировались новейшие технические системы «оборонного щита». А сколько светлых российских университетских голов, упрятанных большевиками в лагеря, не были вовлечены в эти шарашки и погибли! Одним из таких «невовлеченных» оказался философ, богослов, инженер, химик и математик Павел Александрович Флоренский — узник Соловецкого и других лагерей, расстрелянный в 1943 г. По заданию лагерного начальства еще в начале 1930-х годов он создал лучший в мире диэлектрик — карболит. В БАМлаге он в соавторстве разработал систему строительства в условиях вечной мерзлоты (на сваях), применяемую до сих пор. Его исследования по йоду были использованы в качестве чуть ли не панацеи при ликвидации последствий Чернобыльской атомной катастрофы в 1980-е годы. Сколько бы этот человек принес пользы и славы отечеству!

А отечество в лице авторов Философского словаря в 1987 г.² умолчало и о его лагерной судьбе, и о его казни, и о его выдающихся научных достижениях.

Авторы словаря лишь снисходительно написали: «Взгляды Ф. свидетельствуют о несостоятельности его попыток совместить истины науки с религиозной верой, вывести культуру из религиозного культа, сберечь и защитить средствами науки и философии православную систему догматов».

Таким образом, в 1937–1938 гг. не было условий для реализации упомянутого постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) от июня 1936 г. об укреплении высшей школы. Если уж до массовых репрессий работу вузов официально оценили как обучение на уровне среднего, а не высшего образования, то какой она стала после массовых заключений в лагеря профессорско-преподавательского состава? На смену репрессированным профессорам пришли выпускники из рабочих и крестьян, ставшие в 1940–1950-е годы заведующими кафедрами, лабораториями, научно-исследовательскими институтами. Они в основном не получили фундаментального образования ни в средней школе, ни в вузе. Не имея традиционного для России глубокого образования, они, разумеется, не могли выйти на достойный уровень своих учителей. Образовательная планка выпускников средней школы и вузов неизбежно понизилась. А потом, похоже, и не поднималась.

Были, конечно, и исключения. Однако исключения и есть исключения. А правило состоит в том, что советский вуз опустился до уровня среднего дореволюционного образования. И этот вывод сделали в 1936 г. высшие партийно-правительственные структу-

¹ Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 202–205.

² Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1987.

ры — ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Те, кто принимал участие в подготовке постановления 1936 г., разумеется, знали высокий уровень образования в царской России и могли его сравнить с упрощенным советским образованием. Потому и выдали такую беспощадную оценку.

А вскоре СССР вступил во Вторую мировую войну. Тут уж не до вузов было. После войны вузам опять «не везло». Советская интеллигенция вновь стала основным объектом «воспитания» большевистской власти. Антисемитизм, закамouflированный под борьбу с космополитизмом, борьба с кибернетикой и генетикой, с вейсманистами и морганистами, «ленинградское дело» и «дело врачей» отнюдь не способствовали созданию действительно творческой атмосферы на вузовских кафедрах естественных и точных наук. Так и формировались традиции «вроде вузовского» образования в СССР.

Вышла ли вузовская наука на достойный уровень в 1950–1980-е годы? Судя по официальным оценкам, нет. В 1955 г. на июльском пленуме ЦК КПСС, рассмотревшем вопрос о техническом прогрессе, было сказано, что научные кадры вузов «мало привлекаются к разработке проблем в области развития новой техники»¹. Через пятилетку, 13 июня 1961 г., в постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров» говорилось об «отставании», «серьезных недостатках» в развитии науки². Еще через два года, 9 мая 1963 г., в специальном постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР о высшем и среднем образовании вузы опять получают неудовлетворительную оценку³. Выходит, и через 35 лет после большевистского разгрома российских вузов раны не затянулись. Да и не могли они затянуться, поскольку научные школы не создаются организационно-техническими мероприятиями, которые содержались в постановлениях высших руководящих органов СССР.

В постановлении 1963 г. ЦК КПСС и Совмин СССР указали на недостаточную «остепененность» вузов. Мол, мало докторов и кандидатов наук. А их потому и мало, что научные школы, разгромленные в 1920–1930-е годы, быстро не восстанавливаются. Нужны, как уже говорилось, десятилетия стабильности. Нужна востребованность научных разработок. Но ни того, ни другого советские ученые не имели.

Как закливание, из постановления в постановление 1960–1980-х годов, от одного съезда КПСС к другому говорилось об отрыве науки от производства, об изолированности научных достижений от практики жизни. Но из десятилетия в десятилетие ничего принципиально не менялось.

И дело было вовсе не в низком качестве разработок советской профессуры (порой они были выше мирового уровня) и не в зако-

¹ КПСС в резолюциях... М., 1971. Т. 7. С. 74.

² КПСС в резолюциях... М., 1972. Т. 8. С. 163–167.

³ Там же. С. 421–429.

ренелой заскорузлости руководителей хозяйствующих субъектов. Дело было в административно-командной системе управления народным хозяйством СССР. Система не стимулировала внедрение научных достижений.

Там, где научные разработки были востребованы, возникли мощнейшие научные школы: космос, ВПК. В Высшем техническом училище им. Баумана разработки «расхватывала» оборонная промышленность. Потому и подготовка студентов в этих стенах была на высшем уровне (выпускники Бауманского признавались за рубежом). Немало столичных и периферийных вузов, работавших на «оборонку», славилось своими выпускниками. Именно их на ура принимали на Западе в качестве мигрантов в 1990-е годы. Не случайно рабочий язык специалистов знаменитой Силиконовой долины в США — русский. Именно о них и пишет академик С.П. Капица, восторженно отзываясь о советской образовательной системе. Лучшие вузы — это далеко не вся система. Вся система порождает «вроде образование».

Быстро внедрялись научные достижения в медицине. Потому и показатель «остепененности» медицинских вузов всегда был выше остальных профильных вузов и даже классических университетов.

Обучение студентов в отрыве от науки — обучение ущербное. Назвать высшим такое образование нельзя. Преподаватели вузов, не будучи погруженными в науку, в ногу со временем не идут. Отстают. Преподают то, что когда-то сами выучили. Такое преподавание, как правильно квалифицировалось в цитируемом официальном документе 1936 г., дает лишь среднее специальное образование. Настоящим преподавателем, скажем, хирургии может быть только хирург, каждодневно стоящий за операционным столом, внимательно следящий за достижениями коллег и сам пытающийся искать новые методики. Точно так же как преподавателем истории может быть только историк — человек, изучающий исторический процесс отнюдь не по учебникам. Это касается и философии, и горного дела, и других наук. Без науки преподаватель вуза — только урокодатель.

Отрыв науки от практики пытались преодолеть с помощью заочного и вечернего обучения тех, кто работал на производстве. В 1930-е годы через эту систему прошли сотни тысяч руководящих работников, выдвинутых «от станка» («выдвиженцы»): бригадиры и начальники участков, директора предприятий и председатели колхозов, секретари парткомов и председатели исполкомов, были и рядовые рабочие и колхозники. Заочниками были даже наркомы. В 1963 г., по сведениям ЦК КПСС и Совмина СССР, «контингент обучающихся без отрыва от производства составляет более половины общего числа студентов и учащихся»¹. Советскими историками этот факт интерпретировался как свидетельство заботы партии

¹ КПСС в резолюциях... М., 1972. Т. 8. С. 422.

и правительства о народе. Но нет ли здесь каких-то «но»? Есть. И большие.

Их ярко демонстрирует опыт работы медицинских вузов. В медвузах отрыв науки от практики, отрыв преподавания от лечебной работы становятся заметными сразу же. Все клинические кафедры находятся в больницах. Преподаватели обязаны вести лечебную работу за операционным столом, у койки больного, у стоматологического кресла. Вчерашний твой студент сегодня становится коллегой. И все просчеты в его обучении — налицо. Потому-то медики в 1970-е годы добивались отмены вечернего отделения, на котором могли учиться только те, кто окончил медицинские училища и техникумы (медсестры, фельдшеры). Практика показала, что уровень мышления бывшего фельдшера так и остается фельдшерским и никогда не становится врачебным. Вечерние отделения были закрыты. А заочного медицинского образования никогда и не было. Медики остро чувствуют отличие «вроде образования» от подлинного образования, которое получает студент, изучающий науку системно.

Несправедливо и обидно навсегда лишать человека возможности получить вузовский диплом. Ну, не повезло в юности, не хватило ума (амбиций, воли, трудолюбия) вовремя добиться высшего образования. Однако с позиций гражданственности гораздо лучше, когда страдает один неудачник, чем когда все общество рискует получить значительный ущерб от недоучки-врача или инженера, экономиста, учителя, юриста, агронома, ветеринара.

Заочное образование — это почти всегда фикция. Ни о какой выработке научного мышления у студентов-заочников и мечтать не приходится. В лучшем случае заочник «заряжен» на более-менее успешный экзаменационный пересказ предмета. Ни во время работы, ни во время установочных и экзаменационных сессий ему просто некогда заниматься освоением курса: только бы сдать экзамен. А преподаватель выполняет у заочников лишь незавидную роль экзаменационного тренера.

Как в конце 1920-х годов закрутился маховик борьбы за количество, а не за качество выпускников вузов, так он не может остановиться до сих пор. Выпускается не образованный человек, а просто специалист. В 1990-е годы этот маховик заочного обучения превратился в доходный бизнес, еще более понизивший качество национального образования.

Советская образовательная система — это лишь осколки некогда мощнейшей российской национальной системы, ведущей начало с Александра I. Причем осколки жалкие. На вопрос, зачем советская власть почти уничтожила российскую систему образования, вполне ответили фантасты Аркадий и Борис Стругацкие в повести «Трудно быть богом»: «От грамоты, от грамоты все идет, братья! ... Оскорбительные стишки, а там и бунт. Всех их на кол. Я бы делал что? Я бы прямо спрашивал: грамотный? На кол тебя! Стишки пишешь? На кол! Таблицы знаешь? На кол, слишком много

знаешь...»¹ «На кол!» — и весь разговор большевиков с образованными людьми и образованием в 1917–1950 гг.

Наиболее рельефно развал в образовании виден на примере упомянутого П.А. Флоренского. Кто из 203 философов — авторов словаря, снисходительно написавших о Флоренском, мог бы на равных побеседовать с ним о богословии, биологии, химии, физике, математике, инженерии? Или хотя бы даже об одной из этих наук? Уверен — никто! А ведь среди них есть известные советские ученые-обществоведы. И не в осуждение авторам словаря это говорится, а в качестве показателя, призванного обнаружить разницу в советском и дореволюционном образовании. А вот, скажем, Д.И. Менделеев, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, П.Б. Струве и другие выпускники царских гимназий и университетов, скорее всего, смогли бы беседовать с Флоренским на равных.

Причем беседовать они могли бы не только на русском, но и на двух-трех европейских языках или на латинском. В царской России даже гимназист без посредников-переводчиков общался с древнегреческими и древнеримскими авторами. Свободно владел европейскими языками. А в советской образовательной системе это уже стало выдающимся исключением.

Советской власти нужны были специалисты. Но не нужны были образованные люди в подлинном значении этого понятия. Ей не нужны были те, кто со второй половины XIX в. остро чувствовал свое предназначение к выполнению роли мессии, кто глубоко осознавал свой общественный долг перед народом, — ей не нужна была интеллигенция.

И власть своего добилась. Окончившие советские вузы мало чем отличались по гражданскому настрою от основной покорной массы. Потому-то интеллигенция и оказалась в стороне, например, от шахтерского движения 1989 г., определившего эффект домино в развале отжившей системы. Не проявила она себя и в 1990-е годы, для которых характерны исключительно упаднические настроения в обществе при наличии заметных сдвигов в государстве (политические и экономические свободы, исчезновение дефицита товаров потребления). Эти настроения стали во многом результатом скептицизма интеллигенции, ее пассивности в формировании общественного сознания, ее беспомощности в деле просвещения населения. Ведь советские люди в поколениях забыли традиционные ценности цивилизации (частная собственность, права человека).

Интеллигенция должна была видеть (но не видела), что в России происходила не смена партий у власти, а создание условий для другой жизни, другой культуры, утерянной за годы социализма. Старая система была лишь надломлена, но не ликвидирована. Потому-то она и получила тенденцию к восстановлению. Эта реставрация проявляется, скорее всего, не столько как политическая

¹ Стругацкий А., Стругацкий Б. Люди и боги. М., 2004. С. 24.

необходимость, сколько как культурологическая потребность россиян. А интеллигенция пассивна и инертна, негражданственна.

Степень гражданственности — это еще одно кардинальное различие между царской и советской интеллигенцией. Царская интеллигенция, оказавшаяся в вынужденной эмиграции после октября 1917 г., культивировала российский патриотизм. Советская интеллигенция, получив свободный выезд в 1990-е годы, в значительной массе предпочла покинуть родину, лишив Россию своей пассионарной энергии, оставила народ наедине с советским чиновничеством. Бывшие советские чиновники, сохранив власть в 1990-е годы, получив еще и собственность, обратили реформы в свою пользу, дискредитировав либерализм, видимо, для целого поколения россиян.

Если на осколках российской образовательной системы советский народ имел поразительные достижения в науке и культуре, то на каком потрясающе высоком уровне мы бы находились, сохранив дореволюционную образовательную систему!

Модернизируя российскую образовательную систему в соответствии с Болонскими соглашениями, следовало бы учесть уроки преобразований, осуществленных советской властью, и помнить наставления Августина Аврелия (Блаженного), высказанные в IV–V вв. н.э., о том, что нет вчера, сегодня, завтра, а есть настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Показать прошедшее, которое в XX в. определяло лицо советских вузов, и было целью данной статьи.

Вузовские работники должны знать прошлое своей отрасли для того, чтобы иметь преобразовательный настрой, отойти от обычного уровня в характеристике как дореволюционного будто бы убогого прошлого, так и прошлого «прекрасных» лет советской власти, не опускаться до «доказательств» преимуществ советского образования перед капиталистическим на примере собственной карьеры: мол, я из простой семьи, а стал учителем (инженером, врачом). Подобных примеров можно набрать великое множество в любой цивилизованной (западной или восточной) стране. Одним из таковых является судьба Мирей Матье — рабочей на заводе, дочери каменщика, родившейся в семье, в которой было 14 детей, и ставшей великой певицей.

Понимать, что именно доступностью образования в капиталистических странах и объясняется факт высокого удельного веса людей с дипломами вузов среди лиц трудоспособного возраста: по данным на 2007 г. в Европе — 21%, в Японии — 36, в США — 38, в Канаде — 43%¹. Предположить, что это все дети «капиталистов», нелепо. Не путать доступность образования с платностью. Образование может быть платным, но доступным, как в современных капиталистических странах. Оно может быть бесплатным, но мало-доступным, как в СССР.

¹ Вопросы образования. 2007. № 2. С. 8.

Реализуя Болонские соглашения, нам не следует отказываться от классической системы среднего образования, идущей от царских гимназий. Напротив, укреплять ее в плане гуманитарной, естественной и технической подготовки.

Не понижать образование до обучения, что было сделано в 1930-е годы. Не упрощать науки, подгоняя изучаемые предметы под массовое восприятие и коверкая курсы под недорослей, как это делают зачастую сейчас с целью сохранения контингента студентов (отчисление 10 студентов — увольнение одного преподавателя). «Тянуть» обучаемых до высот науки, заботиться о фундаментальности образования.

Вводя современные технологии в образовательный процесс, не увлекаться тестированием, особенно в гуманитарных науках (видимо, и в клинических). Важно видеть не что студент запомнил, а что он думает.

Знать, что в связи с глобализацией образования усиливается роль культурологических знаний. Гуманитарная культура — основа единства народов России, стержень национальной политики. Общество не может быть основано только на знаниях. Ему нужны культура, религия, вера.

Поэтому образование и воспитание должны быть едиными. Причем воспитание личности стоит на первом месте. Но воспитание не может сводиться, как в советское время, к «проведению мероприятий» или нотациям, угрозам и репрессиям. В основе воспитания — личный пример преподавателя («делай как я»). Составляющими личного примера могут быть: а) профессионализм преподавателя (по примеру наших дореволюционных коллег); б) его собственное чувство чести и достоинства; в) предупредительность в личном поведении; г) уважительность к коллегам и ученикам; д) безукоризненность в одежде и манерах. Времена «пролетарской простоты» профессора должны остаться в истории.

Нужно выделять статус студента как особый. Что допустимо в поведении для обычной молодежи, непростительно для студента. Полезно искать и находить примеры такой интеллигентности, высочайшего профессионализма и чистоты в преподавателях своего вуза. Помнить, что в традициях российской образовательной системы было формирование достоинства в гимназисте, студенте, кадете, юнкере.